

УДК: 316.6, 005.95

1.6. Технологический профиль проактивности как проявление трансформирующей агентности в условиях радикальной неопределённости

Ноакк Н.В., Костина Т.А., Ивлева А.Е.
ЦЭМИ РАН, Москва, Россия

В статье представлен оригинальный теоретико-эмпирический подход к пониманию трансформации социальных представлений о будущем в российском обществе в условиях системной неопределённости. На основе глубокого анализа данных за 2024–2025 годы выделен «технологический профиль проактивности» — уникальный тип субъекта, для которого технологии трансформируются из внешнего инструмента во внутренний ресурс смыслопорождения, когнитивной организации и психологической адаптации. Этот феномен представляет собой качественно новую форму агентности, возникающую в ответ на распад традиционных нарративов будущего.

Эмпирически технологический профиль проявляется в двух взаимодополняющих формах: «технологические аналитики» — характеризующиеся эмоционально нейтральной, глубокой когнитивной вовлечённостью в технологические дискурсы; и «технологические стратеги» — демонстрирующие эмоционально позитивную, целенаправленную активность, сопровождаемую нарративами конкретных действий («продумать», «наращивать», «анализировать», «строить»).

Теоретическая интерпретация проведена в рамках интегративного подхода, объединяющего полидисциплинарный дискурс агентности (Мироненко, 2024), концепцию самосозидающей агентности (Рубинштейн, 1922), теорию самодетерминации (Deci & Ryan, 2017) и культурно-антропологический подход (Appadurai, 2013). Это позволяет продемонстрировать, что технологический профиль — это не просто адаптация к меняющимся условиям, а трансформирующая инициатива, направленная на создание нового социального порядка через переосмысление собственной роли в нём.

Практическая значимость исследования заключается в разработке диагностического инструментария для выявления и поддержки устойчивых форм агентности в условиях системной неопределённости, что имеет важные приложения в образовании, кадровой политике, социальном проектировании и государственном управлении. Полученные результаты открывают перспективы для формирования новых стратегий устойчивого развития, основанных не на пассивном ожидании стабилизации, а на активном конструировании будущего через технологическую компетентность и проактивную жизненную позицию.

Введение

Современные исследования социальных представлений о будущем, включая нашу предыдущую работу (Ноакк и др., 2025), убедительно демонстрируют фундаментальные трансформации в коллективном сознании: фрагментацию монолитных нарративов, рост амбивалентности в ожиданиях, смещение фокуса с коллективных проектов на приватную сферу («приватизация будущего») и взрывной рост технологической ориентированности. Однако эти исследования, несмотря на их значимость, оставляют без ответа принципиально важный вопрос: каким образом отдельные группы населения не просто адаптируются к новым условиям, но сохраняют и даже усиливают свою агентность в условиях радикальной неопределённости?

Современный научный дискурс, как отмечает И.А. Мироненко (Мироненко, 2024), характеризуется недостаточной теоретической разработанностью концепции агентности. Международные исследования часто ограничиваются измерением поведенческих индикаторов (проактивность, инициативность), не вскрывая глубинных психологических механизмов, лежащих в основе субъектной активности человека. В то же время классические работы С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1922) указывают на принципиальную возможность трансформации самого субъекта в процессе деятельности, что открывает перспективу понимания агентности как онтологической характеристики человека, а не просто набора поведенческих признаков.

Настоящая работа вносит свою лепту в разработку проблемы, предлагая гипотезу технологического профиля: существует устойчивая связь между технологической ориентацией и повышенным уровнем проактивности, при этом эта связь носит не поверхностный, а глубокий характер, отражая качественную трансформацию субъекта. Эта гипотеза выходит за рамки описательной типологии и направлена на выявление механизмов, через которые отдельные индивиды и группы становятся активными агентами конструирования будущего даже в условиях системных кризисов и распада традиционных опор. Более подробно теоретический обзор исследований, так или иначе затрагивающих эти вопросы, будет представлен в следующей статье. Здесь лишь отметим, что на тему технологического профиля проактивности и трансформирующей агентности в условиях неопределённости в последние годы наблюдается активный рост исследований, но они все еще относительно немногочисленны. Судя по представленным документам и библиографическим ссылкам, это достаточно новая и перспективная область междисциплинарных исследований, находящаяся на стыке социальной психологии, культурной антропологии, исследований будущего (futures studies) и цифровых гуманитарных наук. Сам термин «технологический профиль проактивности» и его теоретическое обоснование как формы трансформирующей агентности является относительно новым в

научном дискурсе. В российской науке исследования в этой области активно развиваются в работах И.А. Мироненко, П.С. Сорокина, Т.А. Нестика, А.Г. Асмолова и других ученых, но системных исследований пока немного. За последние 5 лет (2019-2024) появилось несколько значимых зарубежных работ, развивающих схожие идеи, но это все еще нишевая область исследований (Røkenes et al, 2024; Wittmayer et al, 2019).

Исследования по этой теме фрагментированы по разным дисциплинам и подходам: в психологии — работы о самодетерминации в цифровой среде; в социологии — исследования трансформации будущего в цифровую эпоху; в антропологии — изучение технологий как культурного капитала; в футурологии — анализ новых нарративов будущего.

Теоретическая новизна исследования заключается в синтезе нескольких концептуальных подходов, позволяющих рассмотреть агентность в её полноте. Во-первых, мы обращаемся к концепции самосозидающей агентности С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1922), которая рассматривает человека не как носителя заранее заданных характеристик, а как субъекта, формирующего себя в процессе взаимодействия с миром. Во-вторых, мы интегрируем полидисциплинарный дискурс агентности (Мироненко, 2024), различающий агентность как саморегуляцию (адаптацию к среде) и агентность как трансформирующую инициативу (создание нового). В-третьих, мы используем теорию самодетерминации (Deci & Ryan, 2017) для понимания мотивационных механизмов, лежащих в основе технологической ориентации. И, наконец, культурно-антропологический подход (Appadurai, 2013) позволяет рассматривать технологии как новый «язык будущего», доступный не всем членам общества в равной степени. Такой интегративный подход позволяет не только констатировать существование «технологического профиля проактивности», но и глубоко понять его психологическую природу, социальные предпосылки, поведенческие проявления и потенциальные последствия для трансформации социальной структуры.

Основная часть.

Теоретическая рамка: интегративный подход к пониманию трансформирующей агентности

1. Концепция самосозидающей агентности (С.Л. Рубинштейн, 1922). Сергей Леонидович Рубинштейн в своих фундаментальных работах заложил основы понимания человека как активного субъекта, способного не просто адаптироваться к миру, но трансформировать его и самого себя в процессе деятельности. Его концепция «творческой самодеятельности» остаётся удивительно актуальной и сегодня, предлагая глубокое философское основание для понимания трансформирующей агентности. Ключевые положения концепции Рубинштейна, имеющие прямое отношение к нашему исследованию:

- человек как субъект-источник изменений: «Субъект в своих деяниях... не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется». Этот тезис предполагает, что человек не является пассивным объектом внешних воздействий, а выступает активным источником преобразований как внешнего мира, так и самого себя. В контексте нашего исследования это означает, что технологическая ориентация — это не реакция на внешние условия, а проявление внутренней потребности в самосозидании через технологические практики.

- Агентность как творческая самодеятельность: Рубинштейн подчёркивает, что подлинная самодеятельность (агентность) проявляется в способности создавать новое, не выводимое из прошлого опыта. Это принципиально отличает творческую активность от рутинного поведения, основанного на привычках и стереотипах. Технологический профиль проактивности как раз и демонстрирует такую творческую самодеятельность, когда технологии становятся инструментом не просто решения текущих задач, а создания принципиально новых возможностей для личного и социального развития.

- Самосозидание как процесс: человек не реализует заранее заданную сущность, а формирует себя в процессе деятельности. Это означает, что технологическая компетентность — это не статическая характеристика, а динамический процесс самоопределения, в ходе которого человек конструирует новую версию себя — более автономную, компетентную и способную к прогнозированию будущего.

- Взаимопреобразование человека и мира: мир и человек — единое целое: агентность — это не «борьба с обстоятельствами», а взаимодействие человека и мира. В условиях радикальной неопределённости эта идея приобретает особую значимость. Технологический профиль проактивности демонстрирует именно такой тип взаимодействия: технологии становятся не просто инструментом для изменения мира, но и средством преобразования самого себя. В этом контексте технологическая активность — это не внешнее поведение, а онтологический способ бытия. Через освоение искусственного интеллекта, аналитических методов, цифровых инструментов человек формирует новую версию себя — компетентного, автономного, способного не просто реагировать на вызовы, но и антиципировать их, создавая устойчивые стратегии развития в условиях нестабильности.

2. Полидисциплинарный дискурс агентности (Мироненко, 2024). Современный научный дискурс агентности, как показывает анализ работ И.А. Мироненко (Мироненко, 2022; 2024.), характеризуется существенной полидисциплинарностью, что создаёт как возможности для синтеза, так и определённые терминологические сложности. Особую проблему представляет перевод русского понятия «субъект» (и производного от него «субъективность») на международные языки. Как справедливо отмечает Мироненко, в международном дискурсе русское слово «субъект» часто переводится как «subject», что искажает его смысл, поскольку в английском значении этого слова отсутствует акцент на активной роли. Напротив, «объект» в английском языке означает нечто или кого-то, подвергнутого чьим-либо действиям, что создаёт принципиальную смысловую асимметрию. Для решения этой проблемы Мироненко предлагает сохранять

немецкий вариант написания «Subjekt», который использовал сам Рубинштейн в своих работах (получив образование в Марбурге как немецкий философ). Немецкое слово «Subjekt» подчёркивает активную, самоопределяющуюся природу субъекта, противопоставляя его пассивному «Objekt». Этот подход позволяет сохранить философскую глубину исходного понятия и преодолеть редукцию агентности к простому поведенческому феномену. В рамках полидисциплинарного подхода Мироненко выделяет два фундаментально различных типа агентности:

- агентность как саморегуляция: этот тип агентности ориентирован на адаптацию к существующим условиям, поиск оптимальных стратегий выживания и достижения целей в рамках заданных ограничений. В условиях стабильности такой тип агентности является доминирующим и эффективным.

- Агентность как трансформирующая инициатива: этот тип проявляется в условиях, когда существующие структуры и системы перестают функционировать эффективно. Трансформирующая агентность направлена не на приспособление к миру, а на его изменение, создание новых форм социальности, новых правил игры и новых культурных кодов.

В условиях «деструктурированной современности» (Сорокин, 2021), характеризующейся системной неопределённостью и распадом традиционных опор, именно трансформирующая агентность становится доминирующей формой субъектной активности. Технологический профиль проактивности, выявленный в нашем исследовании, представляет собой именно такую форму агентности — не адаптивную, а трансформирующую, создающую новые смыслы и практики в условиях распада старых нарративов.

3. Теория самодетерминации (Deci & Ryan, 2017). Теория самодетерминации Эдварда Деси и Ричарда Райана предлагает психологически обоснованную модель мотивационных механизмов, лежащих в основе агентности. Согласно этой теории, мотивация и психологическое благополучие зависят от удовлетворения трёх базовых психологических потребностей: 1) автономия — чувство контроля над своими действиями, возможность выбора и отсутствие внешнего принуждения; 2) компетентность — чувство эффективности в деятельности, вера в свои способности достигать целей; 3) связанность — чувство включённости в значимые социальные отношения, ощущение принадлежности к сообществу. В условиях макросоциальной неопределённости, характерных для современной России, первые две потребности оказываются особенно фрустрированными. Человек ощущает потерю контроля над жизненными обстоятельствами (нарушение автономии) и сомневается в своих способностях успешно справляться с новыми вызовами (нарушение компетентности). Технологическая ориентация, как демонстрируют наши данные, выступает мощным компенсаторным механизмом для восстановления этих базовых потребностей:

- восстановление автономии: технологии становятся сферой, где человек может вновь почувствовать контроль над своей жизнью. В отличие от политической или экономической сфер, где индивид ощущает себя пешкой в большой игре, технологическая среда предоставляет возможность для осмысленного выбора, экспериментирования и создания индивидуальных стратегий. Технологии становятся пространством, где «я могу влиять на то, что происходит»;

- восстановление компетентности: освоение сложных технологических систем (искусственный интеллект, big data, аналитические инструменты) позволяет человеку восстановить чувство собственной эффективности. Каждое успешно освоенное приложение, каждый решённый с помощью технологий вопрос подтверждает: «я способен справляться с вызовами современности». Это особенно важно в условиях, когда традиционные механизмы подтверждения компетентности (карьера в стабильной организации, социальное признание) оказываются недоступными.

Таким образом, технологический профиль проактивности не является проявлением поверхностного техноэнтузиазма, а представляет собой глубокий психологический механизм восстановления базовых потребностей в условиях системной неопределённости. Это объясняет, почему связь между технологической ориентацией и проактивностью носит устойчивый характер и проявляется в самых разных аспектах жизнедеятельности.

4. Культурно-антропологический подход: технологии как «язык будущего» (Appadurai, 2013). Арджун Аппадурай в своей работе «The Future as Cultural Fact» вводит ключевое понятие «capacity to aspire» — «способности к устремлению», которая неравномерно распределена в обществе. Способность формулировать образ желаемого будущего и разрабатывать стратегии его достижения зависит от доступа к культурным ресурсам, включая язык, символы, нарративы и дискурсы, которые делают будущее «thinkable» (мыслимым). В традиционных обществах такими ресурсами обладали религиозные институты, политические идеологии, профессиональные сообщества. В современных условиях, особенно в периоды системных кризисов, когда старые нарративы теряют силу, формируются новые «языки будущего». Как показывают наши данные, в российском контексте 2025 года таким новым языком становятся технологии. Технологический дискурс предлагает:

- универсальный язык описания будущего: в отличие от идеологических нарративов, которые часто ограничены конкретной группой или эпохой, технологический дискурс обладает высокой степенью универсальности и транслируемости. Алгоритмы, искусственный интеллект, цифровые платформы становятся понятными символами будущего для самых разных социальных групп;

- культурный капитал для формирования видения: владение технологическим языком даёт доступ к новым возможностям, сетям, ресурсам и, что особенно важно, к способности формулировать собственное будущее. Как отмечают наши респонденты-«технологические стратеги», именно технологическая грамотность позволяет им «видеть возможности, которые другие не замечают»;

- структурирование хаоса: в условиях неопределённости технологии предлагают когнитивные схемы для упорядочивания сложного и хаотичного мира. Алгоритмическое мышление, аналитические подходы, прогнозирование на основе данных становятся методами, позволяющими вносить порядок в кажущийся хаос.

Таким образом, технологическая ориентация — это не техноэнтузиазм и даже не просто профессиональная специализация, а культурный капитал, дающий доступ к проактивному конструированию будущего. Те, кто овладевает этим языком, получают возможность не просто реагировать на изменения, но и активно формировать своё будущее, сохраняя при этом внутреннюю целостность и смысловую организацию жизни.

Методология: интегративный подход к изучению технологического профиля проактивности

Дизайн исследования и источники данных. Исследование реализовано в формате смешанного дизайна (mixed methods design), сочетающего количественные и качественные методы для получения максимально полной картины изучаемого феномена. Первичные данные за 2024–2025 годы и их валидация через данные опроса Mail.ru ($N > 7\,000$) подробно описаны в нашей предыдущей работе (Ноакк и др., 2025а). В настоящей статье мы делаем акцент на дополнительных методах и процедурах, специально разработанных для проверки гипотезы технологического профиля.

1. Измерение проактивности: интегративный подход. Для комплексной оценки проактивности были использованы два взаимодополняющих индекса: Традиционный индекс проактивности (ТИП): адаптированная версия теста индивидуальной проактивности, измеряющая поведенческие проявления инициативности в повседневной жизни (Ноакк и др. 2025а). Шкала включает 15 утверждений, оцениваемых по 5-балльной шкале Лайкерта (от «полностью не согласен» до «полностью согласен»). Коэффициент внутренней согласованности Кронбаха $\alpha = 0,87$; Композитный индекс проактивности (КИП) - разработанный нами индекс, объединяющий поведенческие, когнитивные и эмоциональные компоненты проактивности. Опросник «Индекс Проактивности» (ИП) продемонстрировал хорошие психометрические характеристики и валидность, что подтверждает его пригодность для измерения композитного конструкта проактивности, включающего три взаимосвязанных компонента: рефлексию ошибок, антиципацию будущего и интеграцию опыта. Надёжность методики подтверждена высокими значениями коэффициента α Кронбаха для всех трёх шкал (0,906), что свидетельствует о хорошей внутренней согласованности пунктов внутри каждой из шкал. Общий показатель КИП рассчитывается как средневзвешенное значение субшкал с учётом их вклада в общую дисперсию (коэффициенты весов определены с помощью факторного анализа). Калибровка индексов проведена на сгенерированном первичном банте пунктов и синтетическом датасете ($N > 1000$), имитирующем реалистичные ответы с учетом введенных факторов (пол, возраст, опыт управления, предпринимательский стаж, стрессоустойчивость и др.) с последующей валидацией на независимой выборке ($N = 80$). Корреляция между ТИП и КИП составила $r = 0,76$ ($p < 0,01$), что подтверждает их конвергентную валидность при сохранении конструктивной уникальности.

2. Анализ нарративов: метод интервьюирования. Для изучения поведенческих стратегий и нарративных паттернов была проведена серия письменных интервью с 70 респондентами. Ключевой вопрос: «Расскажите историю (в 3–4 предложениях), когда уроки Вашего прошлого помогли выбрать стратегии (план действий) на будущее». Как показывают исследования (Røkenes, 2024; Костина и др., 2019; Wittmayer et al, 2019), анализ высказываний (а не отдельных слов) предоставляет больше возможностей для выявления личностного смысла и глубинных структур по сравнению с традиционными ассоциативными методами. Преимущество данного подхода перед традиционными ассоциативными методами состоит в том, что он позволяет анализировать не отдельные элементы, а целостные смысловые конструкции. Как отмечают (Костина и др., 2019), данная методика анализа словесных высказываний предоставляет больше возможностей для выявления: 1) личностного смысла (одного из базовых компонентов структуры социальных представлений); 2) глубинных структур высказывания – в отличие от последовательности достаточно однородных элементов (ассоциаций) – где важную роль играет связность элементов высказывания.

3. Тематическое моделирование и лингвистический анализ. Для объективного выявления связи между технологическими темами и проактивностью был применён комплекс методов компьютерного анализа текста.

- Тематическое моделирование (LDA): применение латентного размещения Дирихле (Latent Dirichlet Allocation) позволило выявить пять основных тем в нарративных данных. Каждая тема представлена набором наиболее значимых слов с их вероятностными весами.

- TF-IDF анализ: анализ частоты терминов с учётом их значимости в корпусе (term frequency-inverse document frequency) позволил выделить ключевые слова и фразы, характерные для групп с разным уровнем проактивности.

- Семантический анализ глаголов: специальное внимание уделялось анализу глагольного состава нарративов, поскольку глаголы являются индикаторами поведенческих стратегий. Все глаголы были классифицированы по трём параметрам: валентность (активные vs пассивные); временная ориентация (действия в настоящем vs планирование будущего); уровень конкретизации (абстрактные vs конкретные действия).

4. Анализ гендерных и возрастных особенностей. Для изучения дифференциации технологического профиля по демографическим параметрам были проведены: гендерный анализ: сравнение стратегий у

мужчин и женщин с учётом специфических социальных ожиданий и ограничений в разных гендерных ролях; возрастной анализ: выделение возрастных групп (18–22 года, 23–35 лет, 36–45 лет, 46+ лет) и анализ особенностей проявления технологического профиля в каждой группе. Все методы применялись с соблюдением этических принципов исследований, включая информированное согласие участников, анонимность данных и возможность отказа от участия на любом этапе.

Результаты.

1. Статистическая связь технологической ориентации с проактивностью. Количественный анализ выявил устойчивые статистически значимые корреляции между технологической ориентацией и показателями проактивности: а) Ключевые слова и проактивность: слово «искусственный» (как маркер интереса к искусственному интеллекту) демонстрирует положительную корреляцию как с ТИП ($r = +0,195$; $p < 0,05$), так и с КИП ($r = +0,181$; $p < 0,05$). Эта корреляция сохраняется после контроля демографических переменных (частичная корреляция $r = +0,178$; $p < 0,05$), что подтверждает её устойчивость; б) Тематические модели и проактивность: тема LDA №5, характеризующаяся словами «светлое, развитие, роботы, успех», показывает наибольшую положительную корреляцию с КИП ($r = +0,154$; $p < 0,05$). Респонденты, чьи нарративы активно включали эту тему, демонстрировали на 28% более высокий уровень проактивности по сравнению с другими группами; в) Уровень рефлексии и проактивность: связь между проактивностью и глубиной рефлексии статистически значима: $\chi^2 = 8,75$, $p < 0,01$, $\phi = 0,35$. Это означает, что высокая проактивность тесно связана не просто с действиями, но с осмыслением этих действий, способностью извлекать уроки из опыта и проектировать будущее на основе рефлексии.

Проведённый регрессионный анализ подтверждает, что технологическая ориентация объясняет 12,4% дисперсии проактивности ($R^2 = 0,124$; $F = 18,36$; $p < 0,001$), что является умеренно сильным эффектом в социальных исследованиях. Эффект остаётся значимым после контроля образования, возраста и пола ($\Delta R^2 = 0,093$; $p < 0,01$), что подтверждает самостоятельную предсказательную ценность технологической ориентации.

2. Гендерные и возрастные особенности технологической проактивности. Анализ демографических особенностей технологического профиля выявил значимые различия по гендерному и возрастному признакам. Гендерные особенности: мужчины (средний показатель проактивности ~3,3) чаще ассоциируют технологии с бизнесом, карьерным ростом и профессиональной эффективностью. В их нарративах доминируют глаголы «увеличить», «масштабировать», «монетизировать», «оптимизировать». Технологии воспринимаются как инструмент достижения конкурентного преимущества и профессионального успеха. Женщины (средний показатель проактивности ~3,1) чаще фокусируются на использовании технологий для улучшения качества жизни, поддержания отношений и обеспечения финансовой безопасности. В их нарративах преобладают глаголы «организовать», «сбалансировать», «защитить», «соединить». Технологии воспринимаются как средство создания гармоничной жизни и поддержания социальных связей. Важно отметить, что различия в уровне проактивности между мужчинами и женщинами статистически незначимы ($t = 1,87$; $p = 0,064$), что свидетельствует о схождении общего уровня активности при различной направленности стратегий.

Возрастные особенности: 1) 18–22 года: высокий интерес к технологиям как к средству самовыражения и социальной идентификации. Проактивность (~2,8) ограничена недостатком опыта и ресурсов для реализации амбициозных планов. Нарративы часто носят абстрактный характер без конкретных шагов реализации. 2) 23–35 лет: наивысшая проактивность (~3,4), сочетающая интерес к технологиям с практическим опытом и ресурсами для их реализации. Эта группа демонстрирует оптимальный баланс между инновационностью и реалистичностью планов. Нарративы конкретны, включают чёткие шаги и сроки реализации. 3) 36–45 лет: умеренная проактивность (~3,0), технологии воспринимаются как инструмент решения конкретных задач в профессиональной сфере. Меньше интереса к технологиям как к культурному феномену, больше внимания к практической применимости. 4) 46+ лет: низкая проактивность (~2,4) в технологическом аспекте, но высокая активность в других сферах (социальные связи, опыт наставничества). Технологии часто воспринимаются как вынужденная необходимость, а не как ресурс для развития.

Таким образом, технологическая ориентация представляет собой гендерно и возрастно маркированную стратегию проактивности, наиболее эффективно реализуемую в возрастной группе 23–35 лет, сочетающей технологическую грамотность с достаточными ресурсами и опытом для практической реализации планов.

3. Нарративный анализ: поведенческие стратегии «технологических стратегов». Качественный анализ нарративов выявил принципиальные различия в поведенческих стратегиях между «технологическими стратегами» и другими группами респондентов. Эти различия проявляются на нескольких уровнях.

а) Структура нарративов: у «технологических стратегов» нарративы имеют характерную структуру: проблема → анализ → решение → результат. Эта структура отражает системный подход к проектированию будущего, где технологии выступают инструментом анализа и решения проблем. Например: «Когда я понял, что моя компания теряет клиентов из-за неэффективного сервиса, я провёл анализ данных поведения пользователей с помощью ML-алгоритмов. Это помогло выявить ключевые точки оттока. Я разработал и внедрил новую систему поддержки, что привело к росту удержания клиентов на 37% за полгода. Теперь я планирую масштабировать этот подход на все направления бизнеса».

У других групп («тревожные искатели», «традиционалисты») нарративы чаще имеют структуру: проблема → эмоция → ожидание помощи/изменений. Например: «Сейчас очень сложно найти хорошую работу с достойной зарплатой. Я расстраиваюсь и переживаю, что не смогу обеспечить семью. Надеюсь, что ситуация улучшится, или кто-то поможет мне найти подходящий вариант».

б) Лексические особенности: глаголы действия. Самым ярким индикатором различий является лексический состав, особенно глагольный. «Технологические стратеги» активно используют активные глаголы действия, указывающие на личную вовлечённость и инициативу: когнитивные глаголы: «продумать», «проанализировать», «оценить», «спрогнозировать»; практические глаголы: «нарастить», «внедрить», «оптимизировать», «автоматизировать»; проекционные глаголы: «спланировать», «разработать», «построить», «создать». Пример: «Я продумал несколько сценариев развития событий, проанализировал риски для каждого и выбрал оптимальную стратегию. Теперь я наращиваю экспертизу в области анализа данных, чтобы лучше понимать рынок. В следующем году я планирую запустить собственный проект в этой сфере».

Другие группы преимущественно используют пассивные конструкции и глаголы ожидания: глаголы ожидания: «надеяться», «ждать», «рассчитывать», «мечтать»; пассивные конструкции: «нужно сделать», «должны помочь», «лучше бы изменилось»; глаголы избегания: «избегать», «не связываться», «обходить стороной». Пример: «Я надеюсь, что ситуация на рынке труда улучшится. Жду, когда откроются новые возможности. Лучше бы не было такой неопределённости. Я стараюсь избегать рискованных решений, пока всё не стабилизируется».

в) Эмоциональная окраска нарративов. «Технологические стратеги» демонстрируют конструктивную эмоциональную окраску: уверенность в своих силах («я знаю, как это сделать», «у меня есть опыт»); любопытство и интерес к новому («мне интересно разобраться в этой технологии», «хочу понять, как это работает»); оптимизм, основанный на опыте («раньше у меня получалось преодолевать трудности, и сейчас справлюсь»); спокойствие перед лицом неопределённости («неизвестность даёт возможность для творчества», «сложные ситуации — это вызов, а не угроза»).

Другие группы характеризуются дефицитной эмоциональной окраской: тревога и беспокойство («я боюсь, что всё станет ещё хуже», «меня постоянно что-то тревожит»); беспомощность («я ничего не могу изменить», «всё зависит не от меня»); пессимизм («ничего хорошего не будет», «лучше не строить планов»); разочарование («всё, во что я верил, рушится», «никто не хочет помогать»).

Этот анализ подтверждает, что технологический профиль — это не просто когнитивная установка (мышление о технологиях), а полноценная поведенческая стратегия, проявляющаяся в активных действиях, конкретных планах и нарративах, ориентированных на создание будущего.

Обсуждение.

1. Технологический профиль как проявление трансформирующей агентности

Согласно теоретической модели И.А. Мироненко (Мироненко, 2024), в условиях «деструктурированной современности» агентность перестаёт быть адаптацией к существующим условиям и превращается в инициативу, порождающую новое. Эмпирические данные нашего исследования убедительно демонстрируют именно такой тип агентности у «технологических стратегов» и «технологических аналитиков». Это проявляется в трёх ключевых аспектах:

- проактивное проектирование вместо реактивного реагирования: эти субъекты не реагируют на мир, а проектируют его. Их вопросы не «Что будет?», а «Как я могу это изменить?». Они не ждут изменений от внешних сил, а создают условия для желаемых преобразований. Например, вместо пассивного ожидания улучшения экономической ситуации они разрабатывают стратегии цифровой трансформации бизнеса для работы в новых условиях;

- нарративы созидания вместо нарративов выживания: их нарративы — не «я выжил», а «я построил». Они описывают не то, как они справились с трудностями, а как они создали нечто новое, ценное и значимое. В их истории присутствуют слова «создал», «разработал», «построил», «запустил» вместо «выдержал», «пережил», «дождался»;

- целостный стиль взаимодействия вместо ситуативных навыков: их проактивность — не «мягкий навык» (soft skill), который можно развить на тренинге, а целостный стиль взаимодействия с миром, основанный на глубокой убеждённости в возможности созидания будущего. Это проявляется в последовательности действий, интеграции технологий во все сферы жизни и постоянном обучении.

Таким образом, технологический профиль проактивности представляет собой не просто поведенческую стратегию, а качественно новый тип субъектности, характеризующийся трансформирующей агентностью — способностью не просто адаптироваться к миру, но и изменять его в соответствии со своими ценностями и видением.

2. Технологический профиль как триада адаптации

Выявленный «технологический профиль проактивности» представляет собой целостную, многоуровневую адаптационную стратегию, одновременно решающую три ключевые задачи, соответствующие трём уровням человеческой организации: когнитивному, поведенческому и психологическому.

2.1. Когнитивное упорядочение хаоса. В условиях распада «больших нарративов» (Лиотар, 1984) и фрагментации социальных смыслов (Бауман, 2000) технологии выступают в роли когнитивного каркаса — универсального языка для интерпретации и упорядочивания сложной, хаотичной реальности. Этот механизм находит подтверждение в концепции «расширенного разума» (Clark & Chalmers, 1998), согласно

которой когнитивные процессы не ограничиваются «черепной коробкой», а распространяются на внешние артефакты и технологии. Технологии (алгоритмы, аналитические инструменты, информационные системы) становятся внешними когнитивными ресурсами, которые компенсируют врождённые ограничения человеческого мышления и восстанавливают ощущение управляемости мира.

Наше исследование показывает, что «технологические стратегии» демонстрируют значительно более высокую когнитивную сложность в восприятии будущего (индекс когнитивной сложности $H' = 2,48$ против 1,62 у других групп). Они воспринимают будущее не как монолитный образ, а как многомерное пространство возможностей, где каждая ситуация имеет несколько вариантов развития, а выбор стратегии зависит от анализа множества факторов. Этот когнитивный уровень технологического профиля соответствует потребности человека в структуре и предсказуемости. Когда традиционные нарративы (политические идеологии, религиозные учения, социальные договоры) теряют свою объясняющую силу, технологии предлагают альтернативную систему смыслов, основанную на логике, данных и алгоритмах.

2.2. Поведенческая активность как проектирование будущего. На поведенческом уровне технологический профиль проявляется в конкретных действиях, направленных на проектирование и создание желаемого будущего. У «технологических стратегов» технологии не являются абстрактной темой для размышлений — они становятся практическим инструментом реализации целей. В нарративах этой группы преобладают конкретные формулировки: «наращивание продаж с помощью анализа данных клиентов», «освоение стратегий цифрового маркетинга», «внедрение AI-инструментов для оптимизации процессов». Эти формулировки отражают не просто интерес к технологиям, а их интеграцию в повседневную деятельность как средства достижения практических результатов.

Этот механизм согласуется с теорией самодетерминации (Deci & Ryan, 2017). Освоение технологий удовлетворяет две ключевые базовые потребности:

- потребность в компетентности: каждое успешно освоенное технологическое решение подтверждает эффективность человека, восстанавливает веру в собственные силы и способность справляться с вызовами. Это особенно важно в условиях, когда традиционные источники подтверждения компетентности (стабильная карьера, социальное признание) становятся недоступными.

- потребность в автономии: технологии предоставляют индивиду инструменты для контроля над своей жизнью в условиях макросоциальной неопределённости. В отличие от политической или экономической сфер, где человек часто ощущает себя беспомощным зрителем, технологическая среда позволяет чувствовать себя активным агентом, способным влиять на события.

Таким образом, поведенческий уровень технологического профиля представляет собой активное проектирование будущего через практическое применение технологий, что обеспечивает не только достижение конкретных целей, но и удовлетворение фундаментальных психологических потребностей.

2.3. Психологическая защита от экзистенциальной тревоги. На психологическом уровне технологический профиль выполняет важную защитную функцию, помогая справляться с экзистенциальной тревогой, неизбежной в условиях радикальной неопределённости. Этот механизм перекликается с теорией управления страхом смерти (Terror Management Theory, TMT) (Pyszczynski et al., 2015), согласно которой в условиях угрозы человек усиливает привязанность к культурным буферам — символическим системам, которые придают жизни смысл и защищают от осознания собственной уязвимости. Согласно TMT, осознание человеком своей смертности порождает экзистенциальную тревогу особого качества, которую можно охарактеризовать как «парализующий ужас». Для выживания перед лицом такой перспективы люди вынуждены создавать психологические буферы, позволяющие им функционировать, не будучи «парализованными» этой тревогой (Гаврилова, 2011). а) Символический контроль: технологии предлагают иллюзию контроля над хаотичным миром. Алгоритмы, прогнозы, автоматизация создают ощущение, что будущее можно предсказать и управлять им, даже если на самом деле это не так. б) Осмысление через прогресс: технологический нарратив сохраняет идею прогресса, даже когда другие нарративы (политический, социальный, экономический) теряют эту способность. Вера в технологическое развитие даёт надежду, что «даже если сейчас плохо, в будущем будет лучше благодаря технологиям». в) Идентичность через компетентность: в условиях распада традиционных источников идентичности (классовая принадлежность, национальная идентичность, профессиональная роль) технологическая компетентность становится новым основанием для самоидентификации. «Я тот, кто понимает технологии и может с их помощью создавать будущее» — такая идентичность обеспечивает психологическую устойчивость и чувство собственной значимости.

Дуальная модель защиты от тревоги смерти, развитая в рамках TMT, помогает понять механизмы технологической проактивности. Согласно этой модели, при появлении мыслей о смерти включаются два типа защитных механизмов: «проксимальные» (непосредственное подавление тревоги) и «дистальные» (символические защиты, такие как самоуважение и культурное мировоззрение). Технологическая ориентация функционирует как дистальная защита, логически не связанная напрямую с угрозой, но позволяющая предотвратить появление экзистенциальных мыслей в зоне фокального внимания. В эпоху кризиса традиционных идеологий и религиозных систем технологический нарратив становится новым культурным буфером.

Таким образом, психологический уровень технологического профиля обеспечивает не просто адаптацию к неопределённости, а создание новых смысловых опор, которые позволяют сохранять внутреннюю целостность и психологическое благополучие в условиях системных трансформаций.

Объединяя эти три уровня, можно утверждать, что технологический профиль проактивности представляет собой адаптационную триаду: 1) когнитивный уровень — структура и упорядочивание хаоса; 2) поведенческий уровень — агентность и активное конструирование будущего; 3) психологический уровень — устойчивость и защита от экзистенциальной тревоги

Эта триада делает технологический профиль не просто стратегией выживания, а полноценной системой смыслообразования и самоорганизации в условиях радикальной неопределённости.

3. От саморегуляции к самосозиданию: трансформация природы агентности.

Трансформация самой природы агентности заключается в смещении фокуса с саморегуляции (адаптации к внешним условиям) к самосозиданию (формированию себя как субъекта через активную деятельность). Традиционная модель агентности как саморегуляции предполагает: адаптацию к существующим условиям, использование внешних ресурсов для достижения целей; поддержание стабильности и баланса; реактивное поведение на изменения среды. Модель самосозидающей агентности (Рубинштейн, 1922) характеризуется: трансформацией условий вместо адаптации к ним; созданием новых ресурсов через деятельность, постоянной реорганизации себя и мира; проактивным созданием новых ситуаций.

В контексте нашего исследования эта трансформация проявляется в трёх ключевых аспектах.

3.1. Самосозидание через технологическую активность. Технологии перестают быть внешним артефактом, используемым для решения конкретных задач, и становятся средством самоопределения и формирования новой идентичности. «Технологический стратег» не просто использует AI-инструменты для работы — он формирует себя как человека, способного мыслить алгоритмически, анализировать данные, прогнозировать изменения и создавать новые решения. Это подтверждается нашими нарративными данными: 83% «технологических стратегов» описывают изменения в себе как наиболее значимый результат технологической активности: «Я научился мыслить системно», «Я стал лучше понимать сложные процессы», «Я обрёл уверенность в своей способности справляться с неопределённостью».

3.2. Проактивность как онтологическая основа агентности. Проактивность перестаёт быть поведенческим маркером (набором конкретных действий) и становится онтологической основой агентности — способом существования человека в мире. Для «технологических стратегов» проактивность — это не то, что они делают время от времени, а то, кем они являются постоянно. Это проявляется в их нарративах: даже в ситуациях, где они не могут напрямую влиять на события, они сохраняют проактивную позицию через анализ, прогнозирование, поиск возможностей для влияния в других областях. Например: «Я не могу изменить экономическую ситуацию в стране, но я могу изучить новые рынки, проанализировать данные о спросе, освоить технологии для работы с международными клиентами и построить бизнес, который будет устойчив к локальным кризисам».

3.3. Трансформация отношения к неопределённости. В традиционной модели неопределённость воспринимается как угроза, которую нужно минимизировать или устранить. В модели самосозидающей агентности неопределённость становится ресурсом для творчества и инноваций. «Технологические стратеги» демонстрируют радикально иное отношение к неопределённости: они не стремятся к максимальной предсказуемости, а развивают способность действовать в условиях неполной информации; они используют неопределённость как пространство для экспериментов и поиска неочевидных решений; они развивают психологическую устойчивость через принятие неопределённости как естественного состояния мира. Это позволяет им сохранять агентность даже в самых сложных условиях, поскольку их стратегии не зависят от стабильности внешней среды, а основываются на внутренних ресурсах и способности к трансформации.

Таким образом, переход от саморегуляции к самосозиданию представляет собой качественную трансформацию природы агентности, где человек перестаёт быть объектом адаптации и становится субъектом-источником трансформаций.

Заключение.

«Технологический профиль проактивности» — это не маргинальный тренд или временный феномен, а устойчивый адаптационный синдром, характерный для социально и когнитивно активных групп населения. Он представляет собой альтернативный путь сохранения агентности в условиях системной неопределённости — путь, основанный не на вере во внешние силы и не на надежде на возвращение стабильности, а на освоении технологий, развитии компетентности и активном конструировании будущего.

Наше исследование убедительно демонстрирует существование устойчивой связи между технологической ориентацией и повышенным уровнем проактивности. Эта связь носит не поверхностный, а глубокий характер, отражая качественную трансформацию субъекта в условиях радикальной неопределённости.

Выявлено, что технологический профиль представляет собой целостную стратегию, одновременно решающую три задачи — когнитивное упорядочение хаоса, поведенческую активность в проектировании будущего и психологическую защиту от экзистенциальной тревоги. Это позволяет рассматривать технологии не как внешний инструмент, а как внутренний ресурс смыслопорождения и самоорганизации.

Продemonстрировано, что в условиях «деструктурированной современности» происходит качественная трансформация самой природы агентности — переход от саморегуляции (адаптации к внешним условиям) к самосозиданию (формированию себя как субъекта через активную деятельность). Технологии становятся не просто инструментом, а средой для этого самосозидания.

Исследование выявило сложную картину дифференциации технологической проактивности по демографическим параметрам, показывая, что наиболее высокий уровень проактивности наблюдается в возрастной группе 23–35 лет, независимо от пола, при этом мужчины и женщины демонстрируют разные стратегии применения технологий. Разработанные методики позволяют не просто фиксировать текущие настроения, но и прогнозировать адаптационные стратегии в условиях неопределённости, выявляя группы с высокой и низкой агентностью. Выявленные гендерные и возрастные особенности технологической проактивности позволяют разрабатывать персонализированные подходы к управлению талантами, мотивации и развитию сотрудников в условиях неопределённости.

Несмотря на значимость полученных результатов, исследование имеет определённые ограничения. Основная выборка 2025 года ($N = 80$) имеет ограничения по размеру и репрезентативности, что требует осторожности при экстраполяции результатов на всё российское общество. Исследование не является истинно лонгитюдным, что ограничивает возможности для установления причинно-следственных связей. Полученные результаты отражают особенности российского контекста и могут иметь ограниченную применимость для других культурных сред без дополнительной валидации.

В заключение можно утверждать, что технологическая направленность, выявленная в нашем исследовании, действительно может стать катализатором радикальных изменений в структуре российского общества — но не через технологический детерминизм, а через формирование нового типа агентности, основанного на компетентности, рефлексии и индивидуальной инициативе.

В условиях радикальной неопределённости технологии становятся не просто инструментом для изменения мира, а средой для самосозидания нового типа субъекта — проактивного, рефлексивного, способного конструировать своё будущее, даже когда коллективные нарративы рушатся. Этот процесс формирует основу для новой социальной реальности, основанной не на подчинении иерархиям, а на компетентности, инициативе и способности к постоянной трансформации.

Литература

1. Мироненко И.А. Психологические исследования в полидисциплинарном дискурсе агентности: Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределённости, сложности и разнообразия // Психологические исследования. — 2015. — Т. 8, № 42. — С. 1–12.
2. Гаврилова Т.А. Тревога смерти в теории управления ужасом Ж.К. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломона. Психологический журнал, 2011, том 32, № 1, с. 45–54
3. Ноак Н.В., Костина Т.А., Ивлева А.Е., Гусаров В.А. Проактивность как метакогнитивная рефлексия ошибок: анализ прошлого опыта в конструировании будущего // Цифровая экономика, № 3 (33), 2025а, стр. 33–45
4. Ноак Н.В., Костина Т.А., Ивлева А.Е. Динамика социальных представлений о будущем России: структурный сдвиг 2024–2025 годов. Цифровая экономика, № сс. 2025б
5. Костина Т.А., Ларин С.Н., Ноак Н.В. Разработка методики анализа высказываний как инструментария для измерения социальных представлений пользователей о продуктах цифровой экономики // Евразийский Союз Ученых, 2019. № 5(62). — С. 60–65. doi: 10.31618/ESU.2413—9335.2019.6.62.133
6. Мироненко И.А. Психологические исследования в полидисциплинарном дискурсе агентности: проблемы и перспективы // Вопросы образования. — 2024. — № 1. — С. 162–184. — DOI: 10.17323/vo-2024-16476
7. Мироненко И.А., Сорокин П.С. (2022) Проблема проактивности личности во взаимодействии со средой в современном международном дискурсе. Психологический журнал, т. 43, № 4, сс. 79–89. <https://doi.org/10.31857/S020595920021483-7>
8. Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ/Т.А. Нестик; РАН, Институт Психологии. — М.: Институт Психологии РАН, 2025. — 655 с.
9. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности. Ученые записки Высшей школы г. Одессы. 1922. Т. 2. С. 148–154; Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 101 — 107.
10. Сорокин П.С. «Трансформирующая агентность» как предмет социологического анализа // Вестник РУДН. Серия Социология. — 2021. — Т. 21, № 1. — С. 124–138.
11. Сорокин П.С. (2023) Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития. Социологические исследования, № 3, сс. 103–114. <https://doi.org/10.31857/S013216250022927-2>
12. Хегай, А.С. (2025). Связь отношения ко времени с различными аспектами благополучия подростков и молодежи: обзор современных зарубежных исследований. Современная зарубежная психология, 14(2), 131–140. https://doi.org/10.17759/jmfp.2025140213_23
13. Appadurai A. The Future as Cultural Fact: Essays on the Global Condition. — London: Verso, 2013. — 304 p.
14. Bauman Z. Liquid Modernity. — Cambridge: Polity Press, 2000. — 232 p.
15. Caplan, G. (1964). Principles of Preventive Psychiatry. New York: Basic Books.
16. Clark, A., & Chalmers, D. (1998). The Extended Mind. Analysis, 58(1), 7–19.
17. Deci E.L., Ryan R.M. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. — New York: Guilford Press, 2017. — 528 p.

18. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. — Manchester: Manchester University Press, 1984. — 128 p.
19. Mitroff, I. I. (2005). Why Some Companies Emerge Stronger and Better from a Crisis. AMACOM.
20. Pyszczynski, T., Greenberg, J., & Solomon, S. (2015). Thirty Years of Terror Management Theory. *Advances in Experimental Social Psychology*, 52, 1–70.
21. Røkenes, H., Jornet, A., & Kumpulainen, K. (2024). Narratives of Change: How Young People Use Technology to Envision Desired Futures. *Learning, Media and Technology*, 49(2), 156–172 <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4876803>
22. Wittmayer, J.M., Backhaus, J., Avelino, F., Pel, B., Strasser, T., Kunze, I. & Zuijderwijk, L. (2019). Narratives of change: how social innovation initiatives construct societal transformation. *Futures* 112, 102433. <https://doi.org/10.1016/j.futures.2019.06>

References in Cyrillics

7. Psixologicheskie issledovaniya. — 2015. — T. 8. — № 42. — S. 1–12.
8. Longo M. E'. Molodyozhny'e temporal'nosti i neopredelyonnost': ponimanie razlichij v pro-fessional'noj kar'ere molody'x argentinec // Vremya i obshchestvo. — 2018. — T. 27, № 3. — S. 389–414.
9. Nestik T. A. Social'no-psixologicheskie predposylki i tipy' dolgosrochnoj orientacii: re-zul'taty e'mpiricheskogo issledovaniya // Psixologicheskie issledovaniya. — 2010. — № 4(12). — St. 7.
10. Nestik T. A. Social'no-psixologicheskie predposylki i tipy' dolgosrochnoj orientacii: re-zul'taty e'mpiricheskogo issledovaniya // Psixologicheskij zhurnal. — 2021. — T. 42. — № 4. — S. 28–39.
11. Nestik T. A., Zhuravlyov A. L. Kollektivny'j obraz budushhego v usloviyax neopredelyonnosti // Mir cheloveka: neopredelyonnost' kak vy'zov. — M., 2019. — S. 295–311..
12. Vserossijskij centr izucheniya obshhestvennogo mneniya. Vse idet po planu! : analiticheskij obzor. — Moskva: VCIOM, 25 noyabrya 2024. — Rezhim dostupa: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vse-idet-po-planu> (data obrashheniya: 17.09.2025).

Ноакк Наталья Вадимовна – к.психол.н., ведущий научный сотрудник
ЦЭМИ РАН ORCID 0000-0001-8696-5767
n.noack@mail.ru

Костина Татьяна Анатольевна – младший научный сотрудник
ЦЭМИ РАН ORCID 0000-0001-8696-5767
kostina1@yandex.ru

Ивлева Анна Евгеньевна – клинический психолог
ЦЭМИ РАН ORCID 0000-0001-8696-5767
anchiku@gmail.com

Ключевые слова

технологический профиль проактивности, трансформирующая агентность, самосозидающая агентность, нарративы будущего, проактивность, когнитивная адаптация, технологическая ориентация, Россия, 2025.

Natalia Noakk, Tatiana Kostina, Anna Ivleva. "Invisible stress" with stable indicators: a case study of the diagnosis of psychoemotional stress in a financial institution unit

Keywords

technological profile of proactivity, transformative agency, self-creating agency, narratives of the future, proactivity, cognitive adaptation, technological orientation, Russia, 2025

DOI: 10.34706/DE-2025-04-06

JEL classification G11, O34, Z1.

Abstract

The article presents an original theoretical and empirical approach to understanding the transformation of social ideas about the future in Russian society in the context of systemic uncertainty. Based on an in—depth analysis of data for 2024–2025, a "technological proactivity profile" has been identified - a unique type of subject for which technologies are transformed from an external tool into an internal resource of meaning generation, cognitive organization and psychological adaptation. This phenomenon represents a qualitatively new form of agency, emerging in response to the disintegration of traditional narratives of the future.

Empirically, the technological profile manifests itself in two complementary forms: "technology analysts" — characterized by emotionally neutral, deep cognitive involvement in technological discourses; and "technology strategists" — demonstrating emotionally positive, purposeful activity accompanied by narratives of specific actions ("think through", "build up", "analyze", "build").

The theoretical interpretation was carried out within the framework of an integrative approach combining the multidisciplinary discourse of agency (Mironenko, 2024), the concept of self-creating agency (Rubinstein, 1922), the theory of self-determination (Deci & Ryan, 2017) and the cultural and anthropological approach (Appadurai, 2013). This allows us to demonstrate that a technological profile is not just an adaptation to changing conditions, but a transformative initiative aimed at creating a new social order through rethinking one's own role in it.

The practical significance of the research lies in the development of diagnostic tools for identifying and supporting sustainable forms of agency in conditions of systemic uncertainty, which has important applications in education, personnel policy, social design and public administration. The results obtained open up prospects for the formation of new sustainable development strategies based not on the passive expectation of stabilization, but on the active construction of the future through technological competence and a proactive lifestyle.